

Ованес Шираз

СИАМАНТО И ХАДЖЕЗАРЭ

*Пока выпадает роса на цветы —
Любуешься блеском земной красоты.
Пока по горам пробегает лань —
За нею, охотник, стремишься ты.*

ВСТУПЛЕНИЕ

Народа светлая душа открылась до глубин,
И я любовно зачерпнул живой воды кувшин.

Я на созвездья в эту ночь возвел глаза свои,
И сердце юное мое проснулось для любви.

Казалось, от высоких звезд пахнуло ветерком.
Хаджезарэ, Сиаманто ко мне пришли тайком.

Стон их страдальческой любви мне в грудь стрелой проник,
И замутила соль их слез моих стихов родник.

Они смотрели мне в глаза из тьмы былых времен,
И был отчаянием их мой разум опален.

Я повесть горестной любви прочел в глазах у них.
Сиаманто, Хаджезарэ оплакивает стих.

Как будто я свою любовь, тоскуя, схоронил
И на тернистую тропу в глухую ночь вступил.

И мнится: армянин-чабан во сне, в такую ночь,
На склоне горном повстречал курдянку, бека дочь.

И был их тайный поцелуй, как ветерок, несмел,
Да только тернии одни достались им в удел.

Подобно каплям дождевым в пустыне, без следа,
Они, сердец не утолив, исчезли навсегда.

А ну-ка, девушки, за мной! На розыски пойдем
Путем стиха, путем любви — сверкающим путем!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Косматой буркой тьмы ночной окутался Сипан,
В тот час, когда Сиаманто разбил пастуший стан,
Под грубым войлочным плащом забылся крепким сном,
А ветер песню пел, как мать, над спящим чабаном.
И месяц, трепетный, как лань, покинул облака,
И шею вытянул — воды испить из родника.
Но испугался, отбежал и спрятался во тьму.
Не показался ли чабан охотником ему?
А между тем чабан во сне сбегал с уступов скал,
Ему дорогу к роднику шиповник уступал.
Вдруг видит — молодая лань скрывается в кустах,
И в сказочных ее глазах — доверчивость и страх.
Но — чудо! — в девушку пред ним преобразилась лань.
«Оставь свой лук! Я жизнь твоя. Не убивай, не рань!»
Упал на землю звонкий лук и тонкая стрела.
«Какой дорогой ты ко мне, красавица, пришла?»
«Я шла дорогою любви», — она ему в ответ,
И, с пальца сняв, дает кольцо, как верности обет.
И он, как верности обет, дает свое кольцо,
Целует милую свою и смотрит ей в лицо.
И мнится: он с кольцом вручил судьбы своей звезду.
И шепчет:
 «В горы, на луга тебя я поведу!»
И хочет молодой пастух любимую обнять,
Но слышит он хрустальный смех — и лань пред ним опять.
Взметнулась, бросилась бежать, исчезла между скал...
Рванулся вслед Сиаманто, споткнулся и упал,
Споткнулся, и проснулся, и — увидел звезды он,
И веки снова он смежил, и снова — тот же сон.
Предстала милая ему и сгинула тотчас,
Семь раз ловил он эту лань, семь раз терял из глаз,
Семь раз он видел тот же сон, все тот же сон семь раз...

Во сне обманывают нас любовные мечты,
Но если сбудется твой сон, то дважды счастлив ты!

2

Пылающего солнца шар из дымных ванских вод
Авахорик-гора берет и на плечо кладет,
Потом его несет Вараг, а после Цовасар
Берет на мощное плечо красногорящий шар.
Затем сменяет их Арнос, и так же в свой черед
Сияющую эту кладь Гргуру отдает.
Доносят до Сипан-горы. И на Сипан-горе
Оно горит, — земля внизу алеет на заре.
У ванских вод, как богатырь, покинувший ночлег, —
Сипан, и на его плечах, как полотенце, снег.
Вокруг порхает ветерок и свищет птицам в лад,
И скалы бурые у ног, как буйволы, лежат.
Осыпан утренней росой лугов цветной ковер...
Открыв глаза, Сиаманто спросил у скал и гор:
«Куда умчалась лань моя? Где мой чудесный сон?
Моя любовь, с которой я навеки обручен?
Как сжался детский рот ее, когда схватил я лук:
«Не убивай! Я жизнь твоя», — и убежала вдруг.
А где заветное кольцо, которое во сне
Она сняла с руки своей и подарила мне?»
И горько усмехнулся он, отару вверх погнав.
И, точно дети на лугу среди цветов и трав,
Ягнята разбрелись кругом, затеяли игру,
И влажной свежестью земля дышала поутру.
И зачерпнул воды пастух, склонясь над родником,
И отразил его лицо зеркальный водоем,
Как будто солнца смуглый лик был повторен водой,
И зазвенел хрустальный смех русалки молодой.

3

Сюда, к подножию горы, в заветный день весны,
Как лани, девушки спешат, обычаю верны,
И поверяют роднику под звон его струи
Свою любовную тоску, желания свои.
По горло лебединое
 наполнит он кувшин.
Все тайны их любовные
 он ведает один.

Отара по Сипан-горе широко разбрелась.
В тени скалы Сиаманто сидит, облокотись,
Глядит, как девушки идут с кувшинами в руках,
И розы юности цветут на смуглых их щеках.
Нарядами их яркими по край озарена
Долина, словно радугой...

И говорит одна:
«Ты, заветный мой родник!
Ты, приветный мой родник!
О, когда б к моей подушке
Мой возлюбленный приник!
Не по сердцу мне старик!
Пусть горит в огне старик!
Не седого —
 молодого
Приведи мне, джан-родник!»

Вздыхнул пастух Сиаманто, и сон припомнил свой,
И взял свирель, чтобы созвать овец на водопой.
А может статься, и затем он в руки взял свирель,
Чтоб сердце девичье вдали откликнулось на трель.
Пленительно и сладостно звучал его призыв.
Притихли овцы, пастуха покорно окружив.
Не трогая травы, стоят, в глаза ему глядят,
И словно в плен взяла свирель резвившихся ягнят.
А два барана, что пред тем сошлись, как два врага,
Забыли гнев, разъединив могучие рога.
Покуда спорила свирель с журчанием ключа,
С горы сбежали овцы вниз, копытцами стуча,
Воды студеной напились и повернули вспять,
Едва поднес Сиаманто к губам свирель опять, —
Опять напев его течет с горы, как дикий мед,
Ягненок, отыскавший мать, он к сердцу мягко льнет...
Звенит свирель, поет свирель, томления полна.
Отара движется, клубясь, как за волной волна.
С губами разлучив свирель, с горы взглянул пастух,
И сердце сжалось у него и захватило дух.
У родника — красавица из памятного сна...
Нет, не она, та — сном была... Нет, это не она!
А девушки над родником склонялись тростником.
И пела каждая из них о суженом своем:

«Полдневного солнца луч
Дрожит в роднике.
Желанный, приходи, не мучь!
Сгораю в тоске.

Возлюбленный мой, явись!
Приди хоть на миг!
Уста мои запеклись,
А ты — как родник.

Мой сокол, моя беда,
Приблизься ко мне!
Во сне ты со мной всегда,
Всегда во сне!»

Взволнован был Сиаманто призывной песней той,
А девушки глядели вверх, сверкая красотой,
Не поглядела лишь одна, закутанная в шелк.
«Суровой кажется она. И не возьму я в толк —
Такою ли была во сне луна мечты моей,
Красавица — всех роз алей и лилий всех белей?
Зачем не кажет мне лица та, стройная, ч шелку?
Смущенье прячет от меня, веселье иль тоску?
Стоит , у ключа, не подымает глаз.
Сняла бы свой кувшин с плеча, взглянула бы хоть раз! —
И в сердце у него кипит нетерпеливый хмель.
— Взгляни! Взгляни!» —

И он берет певучую свирель,
Чтоб девушка свое лицо явила, не тая.
Играй, играй, Сиаманто! Здесь жизнь и смерть твоя!
И хочет он в свирель вдохнуть свой затаенный стон
И незнакомке рассказать свой семикратный сон.

«Ты девушкой была во сне,
На скалы ты звала во сне,
Ты ланью резвою была
И в плен меня взяла во сне.

Я ото сна восстал во сне,
Тебя я обнимал во сне,
Поцеловал тебя средь скал.
Мне сон судьбою стал во сне».

Он большей страсти никогда вдохнуть в свирель не мог,
И золотым ключом открыл души ее замок.
Когда ж свирель к его ногам упала, как слеза,
Все девушки на пастуха вновь подняли глаза,
Уже не властные свое осилить забытье,
И мнилось каждой: на горе — возлюбленный ее.
Когда ж пред ними колдовской рассеялся туман,
То каждая над родником склонила гибкий стан.
И только та, в шелку, одна кувшина не сняла
И, песней заворожена, к воде не подошла,
Но вверх взглянула... И глаза сверкнули, как мечи.
Не Ванское ли озеро так светится в ночи?
Не это ли поистине живой воды купель?!
Войдет в купель январь седой, а вынырнет апрель...
Она, — как деревцо весной, — стоит над родником,
Два артаметских яблока под шелковым платком,
Стан — словно шея лебедя зеркальных ванских вод, —
Кто обовьет его рукой — бессмертье обоймет.
Но крепко стягивает стан узорчатый кушак,
Чтоб эту крепость невзначай не взял коварный враг.
Лицо ее — как молоко и розы на заре.
Такою увидел пастух свою Хаджезарэ.
Хаджезарэ — Сиаманто — что солнце и цветок.
Трепещет девушка, попав, как горлица, в силоч.
Он глаз не в силах отвести от милого лица.
Без слов клянутся в верности их юные сердца.
Спросил Сиаманто, смеясь, хоть и горел в огне:
«Не ты ли, девушка, во сне являлась ланью мне?
Когда и впрямь я угадал, и вправду было так,
Дай мне тогда воды испить, пусть это будет знак»,
Она сняла кувшин с плеча и, как побег плюща,
Всем телом тянется к нему, в смущенье трепещи.
И, трепещи, берет пастух кувшин из тонких рук,
Боясь, что «обознался ты!» она промолвит вдруг.
«Мне снилось: ты — стрелок, я — лань.
Так суждено судьбой,
Чтоб не во сне, а наяву мы встретились с тобой».
Сказала — точно ветерок спорхнул с вишневых уст,
Так нежит песней соловей любимой розы куст.
Сказала — и скользнула вниз и к роднику идет.
А сердце рвется из груди, как птица из тенет.
«Водой любви не утолить, уж лучше мы уйдем!» —
Смеясь, подружки говорят:

«Останься с ним вдвоем!»

У студеного ключа
Никнет яблонька, шепча.
«Ах, любви хмельная влага
И сладка и горяча!

Ты обет ключу дала,
Косы туго заплела.
Хватъ-похватъ — свирель пастушья
Сердце в горы увела».

Свои кувшины девушки уносят, щебеча,
И только лань-Хаджезарэ осталась у ключа;
Хоть и наполнен до краев ее кувшин давно,
В кувшине этом не вода — любовное вино.
Опомнилась и, поглядев испуганно вокруг,
Легко скользнула за толпой смеющихся подруг.
Им вслед чабан Сиаманто глядел до той поры,
Пока не заслонило их плечо Сипан-горы,
А ветер кудри чабану ерошил, теребя.
Несносный ветер, перестань, ему не до тебя!
Поет свирель Сиаманто, и капли сладких слез
Украдкою роняет в дол морщинистый утес.

5

Снега с чела Сипан-горы не сходят круглый год,
Все жарче сердце чабану любовный пламень жжет.
«Нет, старый бек не столь жесток, чтоб нам разбить сердца,
Пойду, в селение спущусь, молить ее отца».
Пришел к хозяину чабан, снял бурку и кинжал,
Смиренно к сердцу своему ладонь чабан прижал.
«Что скажешь мне, Сиаманто, зачем пустился в путь?
Уж не с отарой ли беда? Иль просишь что-нибудь?»
«Все хорошо у нас в горах, но я не утаю,
Что худо сердцу моему. Отдай мне дочь свою!»
«Как ты сказал? —

воскликнул бек.

— Да ты сошел с ума!

И впрямь к волкам, почуяв смерть, коза идет сама!
С чем ты пришел? Ты нищ и гол. Ступай отсюда прочь!
Не меньше тысячи овец я требую за дочь.
Сам именитый Азиз-бек заплатит мне калым —

Отборных тысячу овец! Я сговорился с ним».
«О, пощади! — сказал чабан. — Хаджезарэ во сне
Взяла себе мое кольцо, свое — вручила мне».
«Какие кольца! — крикнул бек и обнажил кинжал,
Но воли гневу своему он потому не дал,
Что услышал он легкий шаг: как чуткая газель,
Скользнула к двери дочь его и заглянула в щель.
И прикусил отец язык, догадкой потрясен,
И приказал он пастуху:
— Ступай отсюда вон!
Ты о моей Хаджезарэ и говорить не смей!
Сгинь, безрассудный, как стрела в горах среди камней,
Не для тебя, хоть ты и смел, растил я эту лань.
Ступай! О дочери моей и думать перестань!»
«Нет, мне моей Хаджезарэ не позабыть вовек!»
«Ты говоришь — не позабыть? — как барс, взъярился бек. —
Тогда в родимой стороне тебе не жить, чабан.
Сипан покинешь, Цовасар и полноводный Ван.
Ступай, презренный человек! Не забывай о том,
Что не роднится знатный бек с ничтожным пастухом!».

* * *

И в тот же день другой пастух отару бека пас.
На синий Ван Сиаманто глядел в последний раз,
Поет послушная свирель все горше, все нежней,
И точит слезы изо всех семи своих очей.

Отец мой, Сипан, прощай,
И матушка, Ван, прощай!
Вовек не забуду вас.
Пастуший мой стан, прощай!

Ярится бек — все равно
Случится, что суждено.
Навесь на двери замок, —
Кто любит — уйдет в окно.

На голову Сипан-горы осенний пал туман,
Когда покинул склон ее Сиаманто-чабан.

Скорбит чабан Сиаманто, один в чужом краю,
 Оставив с коршуном-отцом любимую свою.
 В селенье старый Зарех-бек увещевает дочь:
 «Развеселись, Хаджезарэ. Что хмуришься, как ночь?
 Не сердце — разум и расчет к довольству нас ведут. —
 И вешает на шею ей тяжелый изумруд. —
 Ты знаешь, Азиз-бек давно от нас ответа ждет.
 Его стада — что частый лес, казне — потерян счет».
 И в сердце у Хаджезарэ погас надежды луч,
 Она трепещет, словно лист:

«Оставь, отец, не мучь!

Когда б он золотом устлал всю землю предо мной,
 То и тогда бы не назвал меня своей женой.
 А пастуха Сиаманто не прогоняй, отец.
 При нем ни разу серый волк не уносил овец,
 И не пытался вор угнать овец твоих, не то
 Вернула бы отару вспять свирель Сиаманто.
 О, возврати его, отец! А я тебе клянусь,
 Что если кликнет он меня, и то не оглянусь».
 «И слезы и мольбы твои пойдут ему не впрок.
 Гляди-ка, чтобы алый твой не почернел платок».
 «О нет, останется платок июньских роз алей.
 Верни его, не гневайся и дочку пожалей».
 Но сердце коршуна-отца молчит, окаменев,
 И жалобы Хаджезарэ в нем будят только гнев.
 «Я думать запретил о нем, так помни мой запрет,
 Иль проклянет тебя отец. Страшней проклятья нет.
 Чабан твой, как нечистый дух, скитается средь скал,
 На беков точит свой кинжал, — разбойником он стал. —
 И разжигает Зарех-бек потухший свой кальян. —
 К лицу ль курдянке жениха искать среди армян».
 «Отец, отец, его ко мне обратно призови,
 Пусть напоит мою весну река его любви.
 Отец, верни Сиаманто, не то всему конец.
 За кровь мою, за жизнь мою ты хочешь взять овец».

От сна Хаджезарэ встает с заплаканным лицом.
 Все тот же сон: Сиаманто приходит за кольцом.
 Но все же, хоть во сне он с ней, и дня отрадней ночь,
 А белым днем Хаджезарэ уже совсем невмочь.

И чувства хочет побороть, и память обмануть:
Мол, разлюбила, пусть ему сюда заказан путь...
А масло примется сбивать — забудется, грустя,
И грезит: в люльке перед ней — его любви дитя.

«Слышен сердца страстный стук.
Грудь моя — прекрасный луг.
Полно спать на твердом камне.
Приходи, несчастный друг!»

Ягненка на руки возьмет, к груди прижмет, и вот
Беспомощная, как дитя, и плачет и поет:

«О белоснежные мои,
Ягнята нежные мои,
Скитальца ждете вы со мной.
О неутешные мои!

Родная ванская волна,
Седая ванская волна,
Скитальца ты со мною ждешь,
Рыдая, ванская волна.

Моя нагорная тропа,
Крутая, торная тропа,
Скитальца ты со мною ждешь,
От горя черная тропа.

И ты, высокий мой Сипан,
Каменнобокий мой Сипан,
Со мною ты скитальца ждешь,
Туманноокий мой Сипан.

Вспоивший лозы, мой родник,
Взрастивший розы, мой родник,
Со мною ты скитальца ждешь
И точишь слезы, мой родник...»

Но от любимого ручей привета не принес,
Течет он, словно из очей потоки горьких слез,
Как будто милый слезы льет, пробравшись к ней тайком,
И целый день Хаджезарэ стоит над родником.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Зима прошла, цветет весна, томления полна,
Не снег, а лебедей несет озерная волна.
Кочевник о любви поет, поднявшись в горы вновь.
Земля, и звездный небосвод, и солнце — все любовь.
Любовь умершая встает, глаза-цветы подняв,
Любовь бессмертная цветет в венце из роз и трав.
Один пастух Сиаманто от родины вдали
Тоскует по живой красе отеческой земли,
О девушке Хаджезарэ скорбит Сиаманто, —
То бродит по Вараг-горе, стреляя дичь, а то
С кочевниками на Бингель восходит, ждет вестей.
Никак не может позабыть возлюбленной своей.
Но птицы не поют о ней, не говорит родник,
И он не верит, что родник от слез ее возник.
«Недаром, видно, с тон весны прошло семь долгих лет.
Она — дочь бека. До меня давно ей дела нет, —
Вздыхал скиталец. И не раз, один в ночной тиши,
Свирели страстной поверял тоску своей души:

«Там, в родимой стороне,
Розы дышат в сладком сне.
Мне весна зимы не краше.
Я не радуюсь весне.

Нет горы моей родной,
Нет овец моих со мной,
Нет со мной моей любимой,
Больше нет весны весной»,

Рыдала скорбная свирель у пастуха в руках
О том, что лучшие мечты судьбой разбиты в прах,
Звучала песня пастуха все горше и грустней,
И звери дикие в горах прислушивались к ней,
А ветер песню разносил и повторял вдали,
И как-то раз олень и лань на звук ее пришли.
Внизу, в ущелье, под горой стоят, окаменев,
Как будто их зачаровал властительный напев.
И натянул Сиаманто тугую тетиву,
Но вспомнил давний сон... И лук роняет на траву.
«Лань быстроногая, твоей завидую судьбе.

Тебе ни в чем запрета нет, и нет преград тебе». Свирель стонала, слезный ток бежал ему на грудь. До света он решить не мог, куда направить путь.

«Есть много путей. Все земные пути
Приводят куда-нибудь.
А мне, скитальцу, куда идти?
Кто мне укажет путь?

Где счастье мое, на пути каком?
Созвездья, скажите мне!
Я гибну без милой в краю чужом.
Сердце мое в огне».

Недобрый сон терзал всю ночь скитальца-чабана:
Хаджезарэ любимая с другим обручена.
колдунья-ночь порою нас морочит лживым сном,
Но звезды истины подчас заискрятся и в нем.
И оседлал коня чабан, и, как в тяжелом сне,
Семь дней и семь ночей скакал на взмыленном коне.

«Ветер летучий,
Дай крылья коню!
Птицы и тучи,
Я вас догоню!
Дай мне дорогу,
О каменный край!
Скалами лога
Не преграждай!
Еду за милой
Врагам на беду
Или могилу
Себе найду».

И, наконец, завидел он родник свой дорогой,
И манит чабана Сипан отеческой рукой:
«Где пропадал, скиталец мой?» —
лепечет ветерок.
Ван перед ним — как синий глаз, а остров Круц — зрачок.
Вот девушки над родником пестреют, как цветник,
Но розы — нет, и острый меч в грудь пастуха проник,
Он к Цовасару держит путь — нигде любимой нет.
О вести встречных молит он, но все молчат в ответ.

И кто поведает ему — что с ней и где живет?
Разбойником Сиаманто на родине слывет;
Расскажешь про Хаджезарэ — прогневается бек...
Эй, слишком поздно ты пришел, несчастный человек!

«О люди, скажите, кто видел из вас
Глаза, что я так люблю?
Я кинусь в пучину любимых глаз,
Тоску свою утолю».

И кланялись ему цветы, и плакали о нем,
А сердце неутешное тревога жгла огнем.
Смеркалось. Он спустился в дол. В селенье перед ним
Печальный вечер не спеша свивал лиловый дым.
Одна старуха в эту ночь дала ему приют.
Он пробудился на заре — и слышит: в бубны бьют,
И весело звучит зурна.

«Что там случилось, мать?
То словно ветер шелестит, то нет его опять».
«А что сказать тебе, сынок. Пирует Зарех-бек.
Он дочку замуж выдает, а та бледна как снег,
Дрожит под шелковой фатой и слезы льет ручьем,
Все не забудет, бедная, о пастухе своем.
Не взял жестокосердный бек Сиаманто в зятя,
И плачет роза день и ночь и кличет соловья».
И снял чабан с руки кольцо, горят его глаза,
Как будто на его лицо надвинулась гроза:
«Ступай на свадьбу и скажи: пусть в руку будет сон.
Кольцо невесте передай, ее отцу — поклон».
Взяла старуха кишмиша, насыпала в платок,
А вместе с кишмишом кольцо вложила в узелок
И понесла надежды знак невесте в дар... И вот
Один сидит Сиаманто, в тревоге вести ждет.

2

Пленяет взоры Цовасар, светла Сипан-гора,
Над Ваном высятся они, как два больших шатра.
На горном склоне, где родник долину пересек,
Шатер, как бурку черную, раскинул Зарех-бек.
Играют свадьбу на горе, пируют гости всласть,
Там лань-бедняжку отдают убийце-тигру в пасть.

Не слышно в шуме лая псов, у бека мутен взор...
Старуха, не таясь, вошла к пирующим в шатер.

«Льются вина, длится пир,
Беку мир принадлежит.
Как ягненок, рабский мир
У него в ногах лежит».

Так пели гости, захмелев, и пили до утра,
И не глядели, кто вошел, кто вышел из шатра.

«Дочка бека, брось стыдиться,
Выйди, выйди, песню спой!
Молодица —
Смуглолица,
Точно персик золотой.
Песню спой за чашей пенной!
Твой жених — Азиз бесценный.
Между беков — бек Азиз,
Как средь гор — гора Масис.
За тебя недаром дали
Ровно тысячу овец,
Меньше стоишь ты едва ли.
Пусть не ведает печали
Досточтимый твой отец!
Азиз-бека ты достойна.
Стан твой, точно тополь стройный.
Подойди и рядом стань!
Ты — звезда кочевий горных —
На веселье наше глянь!
Тысячу овец отборных
Молодая стоит лань!»

Веселье шумное кипит, как мутный ток вина,
Плакучей ивою грустит Хаджезарэ одна.
Ей чашу красного вина коварный рок поднес,
И потемнело дочерна вино от горьких слез.
Хаджезарэ из-за стола встает, едва дыша,
Но все еще надеждою живет ее душа.
«Семь долгих лет не вижу я тебя, мой дорогой.
Ужель поет свирель твоя для девушки другой?
Овец крадешь и раздаешь, — так говорит отец.
Что ж азизбековых овец не тронешь, удалец?
Бесстрашно ты для бедняков пустился на грабеж.
Так что ж за мною не придешь, меня не украдешь?

Песня твоя семь печальных лет
У меня на устах.
Срезанной розы поблекший цвет
У меня на устах.
Если и вправду разбойник ты —
Увези меня.
Имя твое — слаще звука нет —
У меня на устах.

Взял бы ты меня, милый, к себе на грудь, —
Я в себе не вольна.
Обручат, увезут меня в дальний путь, —
Я в судьбе не вольна.
Завтра будет уж поздно меня вернуть, —
Я в себе не вольна.
Станет черным замком брачный мой обет
У меня на устах».

Был пьяным гулом заглушен ее любви призыв.
Так море бурное ручей вбирает, заглушив.
Невесты шелковый наряд был красен, словно мак,
А в сердце трепетном ее сгустился черный мрак.
Лежала горьких слез роса на розах губ и щек,
Лишь поцелуй Сиаманто их осушить бы мог.
Склонила голову она в кругу хмельных гостей,
И вдруг, откуда ни возьмись, старуха перед ней.
Вручает ей подарок свой и шепчет на ушко:
«Желаю счастья, милая, — оно недалеко!»
Развязывает узелок невеста не спеша,
Глядь — как луна меж звезд — кольцо блестит из кишмиша.
И сердце у Хаджезарэ забилося горячо,
И клонится она без чувств старухе на плечо.
Спешит старуха заслонить бедняжку поскорей,
Невесте гладит жаркий лоб, воды подносит ей.
Пришла в себя Хаджезарэ:

«Скажи мне правду, мать,
Того, кто дал тебе кольцо, увижу ли опять?
Скажи, быть может, это знак и в дальней стороне
Не хочет больше милый мой и думать обо мне?»
Старуха смотрит на нее с улыбкой на устах:
«В селенье нашем он сейчас, он у меня в гостях.
Проведал — замуж ты идешь, померк орлиный взор,
Знать, эта весть ему была как смертный приговор».
И говорит Хаджезарэ:

«Печален мой удел.
Я за немилого иду: отец того хотел,
Уже не первую жену волк Азиз-бек берет.
Неужто в логово его войду я в свой черед?
Скажи тому, кто дал кольцо: Хаджезарэ твоя
Семь долгих лет тебя ждала, потоки слез лия,
Скажи ему, что срок настал, — на утренней заре
К могиле матери своей пойдет Хаджезарэ.

Пускай спешит на Цовасар, пускай летит ко мне
Избранник мой, охотник мой на резвом скакуне».

Идет посланница домой, торопится принести
Душе, измученной тоской, целительную весть.

3

На Цовасар спустилась тень, и ветер при луне
Качает ночи колыбель в прохладной тишине.
Безмолвны горные хребты, и в призрачные сны
Селенья, крепости в горах, шатры погружены.
Лишь звезды в этот час не спят, они во мгле ночной
Сошли на лоно озера испить воды земной.
Дышала сонная земля благоуханьем трав,
Иль то любимая вдали дышала, задремав?
И в эту ночь Сиаманто средь чуткой темноты
Свою возлюбленную ждал у гробовой плиты
И думал:

«Мать в могиле спит, и плачет сирота,
По воле коршуна-отца в темнице заперта.
Весь мир в оковах, но любовь все цепи разобьет».
И, по возлюбленной томясь, Сиаманто поет:

«Зарех-бек обманул народ:
Вором честный чабан слывет.
Век свою красавицу дочь
Пожелал обменять на скот.

Хочешь зятем зваться моим —
Заплати богатый калым.
Нет овец у Сиаманто,
Нищ пастух и горем палим.

Пусть я черствому хлебу рад,
Я любовью зато богат.
Иль не стоит моя любовь
Азизбековых тучных стад?»

Он ждал красавицу свою, как ждут луну в ночи,
Но только утренней звезды увидел он лучи.
На камень сел Сиаманто, и овладел им сон.
Семь дней пастух провел в пути, и был он утомлен.
Семь дней и семь ночей летел на скакуне стрелой,
Был конь измучен, как его хозяин удалой.
И вот, едва коснулась ночь его горящих век,
Забылся сном Сиаманто, ведь был он человек.
И освежало жаркий лоб дыхание ветерка,
Как будто гладила его возлюбленной рука.
С умершей матерью во сне Хаджезарэ пришла.
Сказала мать:

«Возьми ее на быстрые крыла,
Умчи мою Хаджезарэ высоко на Сипан!»
Осталась дочь, а мать ушла, растаяв, как туман.
Цветок с волшебного куста Сиаманто сорвал,
На огненного сел коня и прынул выше скал.
Над синим Ваном скачет конь и рвется в высоту,
Летят они с Хаджезарэ по лунному мосту.

4

Как бурку, скинул Цовасар ночные облака,
Но крепко спал Сиаманто под шепот ветерка.
А ветерок твердил:

«Вставай, скорей вставай! Вот-вот
К тебе нагорною тропой любимая придет!».
А он с возлюбленной летел на огненном коне,
Над Ваном проносился он в своем волшебном сне.
Выходит солнце красное из дымных ванских вод.
Его берет Авахорик и на плечо кладет,
Потом его несет Вараг, а после — Цовасар

Берет на мощное плечо красногорящий шар
И на Арнос кладет. И вот — на утренней заре
По склону девушка идет к могиле на горе.
И точно алый горный мак горит ее наряд,
На красный подвенечный шелк накинута черная плат.

«Я иду по тропе,
Любовь тая,
Словно в бреду.
Не узнаешь и ты,
О тропа моя,
Куда иду.
Мой любимый придет
На страстный зов,
Встретит меня.
Я услышу сейчас
Серебро подков
Его коня».

Тропой спешит Хаджезарэ, уйдя от зорких слуг,
От шумных свадебных гостей, докучливых подруг.
Вдруг — видит: спит Сиаманто, и вздрогнула она,
И сыплет молнии из глаз, печальна и гневна.
«Вот какова его любовь! Он видит сладкий сон,
Хотя своей Хаджезарэ и не дождался он.
Кто любит, тот не станет спать, на страже тот, когда
Его избраннице грозит смертельная беда».
И сердится, и сетует, мешая скорбь и гнев,
Могилы матери своей от слез не разглядев.
«Влюбленный, если даже спит, услышит легкий хруст,
Во сне от ветра отличит дыханье милых уст.
А ты? И чем сразишься ты с врагами наяву?
Не из косы ль моей совьешь тугую тетиву?
Где лук твой звонкий? Где твой конь? Где твой булатный нож?
Как — безоружный — лань свою от недругов спасешь?» —
«Хаджезарэ!» —

кричит отец, ища ее в горах,
И сердце девушки стеснил неодолимый страх.
«Спи, милый, — шепчет. — Крепче спи, не то всему конец!
Тебя на части разорвет жестокий мой отец.
Пускай на брачную постель я лягу без любви,
Пускай умру я поутру, но только ты живи!
Спи, спи...»

И клонится к цветам, как будто гладит их,
И падают к его ногам две бабки золотых.
Так, не коснувшись милых губ, желанью вопреки,
На зов отца Хаджезарэ спустилась в дол тоски.

Блистая, солнце поднялось над сединой вершин.
 Открыл глаза Сиаманто и видит — он один.
 Две бабки золотом в траве блеснули перед ним,
 Он взял их и спустился в дол, отчаяньем томим.
 «Я долго ждал Хаджезарэ, и впал я в забытье, —
 Старухе, плача, он сказал. —

Проснулся — нет ее.

Ужель обманщица она? Молю, ступай к ней вновь.
 Как птичка малая в гнезде, подстрелена любовь.
 Возьми две бабки золотых. Я их нашел меж трав».
 Игрушки старая берет, их тайну разгадав.
 «Она была, Сиаманто, с тобою в эту ночь,
 Но увидала — ты заснул, и убежала прочь.
 А бабки бросила в траву, за оскорбление мстя.
 Ведь эти бабки говорят, что ты еще дитя,
 Не сокол, не отважный муж, и что тебе под стать
 Не воевать и не любить, — с мальчишками играть.
 Не сердце у тебя в груди, а недозрелый плод.
 Она права, Сиаманто. Кто любит — не заснет.
 Спроси у сердца своего: ты сам себе не лжешь?
 Не так, не так в былые дни любила молодежь.
 Да, было время... Но себя расхваливать смешно.
 Где смоль тяжелых кос моих? Они белы давно.
 Как лук, согнулся стройный стан. Старуха я сейчас.
 Бывало, семь ночей подряд я не смыкала глаз,
 Любимого, бывало, жду в смятенье и в огне.
 А сколько юных удальцов вздыхало обо мне.
 И вот — присватался ко мне жестокий Зарех-бек,
 Но пощадил меня отец, не загубил мой век.
 Любовь дороже тучных стад и золота ценней».
 «Твои слова — мои слова. Будь матерью моей».
 «Что — мать? Когда б ты возратить возлюбленную мог!»
 «Ушла... Разгневалась она!..» —

«А впредь не спи, сынок.

Любовь и счастье променял ты на короткий сон.
 Охотник, упустивший дичь, какой охотник он?
 Нет, настоящая любовь не дремлет никогда.
 Не так, не так любили мы в минувшие года!»
 И покраснел Сиаманто и названую мать,
 Одной мечтою одержим, стал страстно умолять:
 «Пред очи звездные ее в последний раз предстань.
 Скажи: скорбит охотник твой, оплакивая лань»,

И весть от милой принесла старуха дотемна,
 И эта весть как поцелуй была для чабана.
 Сказала так Хаджезарэ: «Когда в его груди
 Горит по-прежнему любовь, скорей к нему иди,
 Скажи: один остался день, и есть один исход, —
 Наутро Азиз-бек меня венчаться повезет,
 Так пусть прискачет на коне, пусть не щадит коня,
 Пусть наяву, а не во сне похитит он меня!
 Лети ко мне, Сиаманто, да не засни опять.
 Не дарит счастья нам никто, придется счастье взять!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Как мудрый песенник-ашуг, поет родник в горах
 О том, что если ты влюблен, тебе неведом страх.
 Влюбленный из огня спасет избранницу свою
 И, молнию схватив рукой, сразит орла в бою,
 Из камня выжмет он вино, чтоб освежиться ей;
 Во имя розы победит и тигра соловей...

Летит Сиаманто. Блестит Сипан издалека.
 Исполнен силы гордый конь, как сердце седока.
 И вот — развилина дорог. Он на распутье стал
 И ждет, в раздумье погружен среди высоких скал.
 «Где курды верные мои? Ведь мы давно сродни.
 От Зарех-бека убежав, живут в горах они.
 У бедняков одна судьба, и путь у нас один,
 Родные братья — бедный курд и нищий армянин.
 Ужель не поспешат они — где вскачь, а где ползком?
 Иль я не досыта поил их сладким молоком?
 Иль резвых не давал коней — красавиц увозить?
 Они клялись прийти сюда. Забыли, может быть?»
 И вдруг он слышит посвист крыл и клекот над собой:
 Голубку ястребы несут к вершине голубой.
 Но тут орел, как молния, ударил из-за туч.
 Отбил голубку — и парит, свободен и могуч.

«Ужели этого орла моя любовь слабей?»
И песню обращает он к возлюбленной своей:

«Опоясан отец твой цветным кушаком,
Мой отец с малолетства ходил босиком.
Как луна — та жена, что тебя родила,
Я от звездочки малой рожден бедняком.
Ты — садовый взлелеянный нежно цветок,
Я — суровый, пробившийся к свету росток,
Из-под мертвого камня к тебе я тянусь,
От огня твоего и красы изнемог».

Тут из ущелья грянул клич:

«Эй, где ты, побратим!
Откликнись нам, Сиаманто! На помощь мы летим.

Побратим — побратиму, как родник, говорит:
Утолю твою жажду, если жажда томит,
Если горе нагрянет и приблизится враг,
Побратим — побратиму — меч надежный и щит!

Бедняк опорой бедняку и в горе и в борьбе.
Твою невесту отобьем и возвратим тебе!»
И кто-то шутит:

«Мы возьмем приданое за то!»
И голос подает в ответ чабан Сиаманто.
Опять в истерзанной душе надежда ожила.
О, братством освященный хлеб, хвала тебе, хвала!
И роет землю белый конь, завидя вороных,
Как буря мчащихся коней и всадников на них,
Мелькают молнии мечей и копий — лес густой...

2

Навстречу — свадьба; вьется пыль, клубится пыль фатой.
И всадник врезался в толпу, и дрогнула она,
Как будто о крутой утес ударилась волна.
К своей голубке дорогой, не глядя ни на что,
Подобно горному орлу летел Сиаманто —
Отвоевать у ястребов, умчать ее с собой...
В испуге женщины бегут нестройною гурьбой,
За ними — беки, кто куда... дрожит в смятенье враг.
Угрозой смерти пренебрег Сиаманто-смельчак.
Зовет свою подругу-лань охотник удалой.

Но что там?.. Оступился конь, и он с коня — долой!
И вскрикнула Хаджезарэ в опасный этот миг, —
Как жаворонок в небесах растаял слабый крик.
Но вихрем курды из теснин рванулись как один
Туда, где вел неравный бой бесстрашный армянин.
Они летят с семи сторон:

«Сдавайся, или смерть!»

От грома блещущих мечей затрепетала твердь.
И встал с земли Сиаманто и на коня вскочил.
Орлом двукрылым прежде был, теперь он — семикрыл!
Кричит:

«Сдавайся, или смерть!»

Под ним играет конь»,

И пышет из ноздрей коня рубиновый огонь.
Был воздух сечи раскален, смешались клич и плач,
Вставали кони на дыбы, бросались кони вскачь.
Казалось, плавился металл чеканного клинка,
Лишь костяную рукоять вздымала вверх рука.
И в бегстве бросилась толпа. Ее в избытке сил,
Как молния — ветвистый дуб, Сиаманто разил.
Он копьё-ветви обрубал, как ловкий дровосек,
Как ствол, ветвей лишившийся, остался Азиз-бек,
И только злоба — верный раб — еще была при нем.
Его покинул младший брат, бежал на вороном,
В ущелье спрятался, шепча змеиные слова:
«Одним коварством серый волк осилить может льва!»
Летит, грозит Сиаманто сверкающим клинком,
И видит он Хаджезарэ у бека за седлом
Рассвирепел Сиаманто и путь ему пресек,
И выпустил из цепких рук невесту Азиз-бек,
Когда его Сиаманто сразил одной рукой,
Обняв другую тонкий стан подруги дорогой.
Свою; голубку спас орел.

«Вперед, мой конь, вперед!»

И резвый конь одним рывком трехдневный путь берет.

* * *

И не видал Сиаманто, любовью одержим,
Как черный всадник, словно тень, спешил вослед за ним,
В ущельях прятался глухих, таился между скал...
Обняв любимую свою, Сиаманто скакал.
Из жгучей раны кровь бежит, но в сердце — торжество:

Все то, чего он так желал, — в объятьях у него.
Он прошептал ей:

«Лань моя, ужели ты со мной?»

И, милую поцеловав, качнулся, как хмельной.
Уже далеко Цовасар, и глыбой серебра
В туманной сказочной дали встает Сипан-гора.
Седины родины пред ним — нагорные снега,
А позади — чернеет тень коварного врага...

3

Закат закончил в небесах лучистую игру,
Одежды синие гора надела ввечеру,
И по тропе среди цветов, с возлюбленной вдвоем,
Стремится вверх Сиаманто на скакуне своем,
Как будто к самым небесам для них проложен мост
И ждет их свадебный покров в живых алмазах звезд.
Там, где рождается родник, они с коня сошли,
Как будто на небе стоят далеко от земли.
Внизу остались горечь слез, и смерть, и звон оков,
И доля горькая рабов, и козни злых врагов.
И жадно пьет Сиаманто привольный воздух гор,
На милую свою глядит, лучистый ловит взор.
Они раскинули шатер над самым родником,
И заглянули очи звезд в шатер любви тайком.
Огнем горит Хаджезарэ, шепча в тиши ночной:
«Никак поверить не могу, что ты и впрямь со мной».
Тогда любимую свою поцеловал пастух.
Зарделись щеки у нее и захватило дух,
Припала к милому на грудь, затрепетав, она...
И тут русалкой поднялась над родником луна.
«Хаджезарэ! Любовь — гора. На ней — наш светлый дом».

«Любовь — гора, Сиаманто! Мы на горе умрем».
«Твоя любовь — небесный рай, иного рая нет!»
«Твой поцелуй — мой рай второй!» —

она ему в ответ.

«Так схожи родинки твои у губ и на груди!»
«Обеих я тебе дарю. Они твои, приди».
И страстный шепот их в ночи так сладостно звучал,
Что мог бы музыкою стать, но поцелуем стал.
И семилетняя тоска объятья их сплела.
О, если б задохнуться в них и догореть дотла!

Ночь на Сипане, ночь любви, блаженной ночи мед!
Пусть поцелуев эта ночь с собой не унесет!
Утесы, воды и цветы, целуйтесь в эту ночь,
Свои любовные мечты не прогоняйте прочь!
Расплавилась в живом огне влюбленные сердца,
Как будто нет земли внизу и счастьем нет конца.
Ночь на Сипане, ночь любви — вся в лунном серебре.
Сиаманто, Хаджезарэ уснули на горе.
Владеет мудрый человек всем знанием земным.
Лишь одного не знает он, что завтра будет с ним.

4

Уже восхода янтари пылают на горе,
И куропатка песнь свою допела на заре.
И там, в шатре, Сиаманто еще во власти сна,
И сладко спит Хаджезарэ под буркой чабана.
Счастливому Сиаманто блаженный снится сон,
Что дым от очага его к Сипану вознесен,
А под Сипан-горой в кругу цветущих сыновей
Он трудится у ванских вод над нивою своей,
Растит наследников своих, сноровке их уча,
И косу точит он взамен разящего меча.
О счастье ветерок поет над лоном ванских вод,
И вот — Хаджезарэ идет, в руках лаваш несет.
И наземь косу он кладет, стирает пот со лба,
Срывает спелый колосок:
«Богатые хлеба!»
Вот сына младшего свирель звучит издалека.
Коров не много, а дают довольно молока.
Воздвигла осень на земле свой золотой покой.
Справляет свадьбу старший сын и льет вино рекой.
И вот целует первенца Сиаманто во сне.
«А помнишь ли, Хаджезарэ...» —
он говорит жене.

* * *

Во сне обманывают нас надежды и мечты.
Когда бы все они сбылись, как был бы счастлив ты.

* * *

Как ворон, ветер утренний пронесся над шатром
И разбудил Хаджезарэ, задев ее крылом,
И точно гром над родником раздался дикий рев,
И топот множества копыт, и резкий треск рогов.
И капнула с ее ресниц горячая слеза
На спящего Сиаманто, и он открыл глаза.
«Ты плачешь, милая моя? Чем ты огорчена?»
И, словно лилия бледна, ему в ответ она:
«Мой милый, сладко я спала под буркою с тобой,
Вдруг сорок буйволов сюда пришли на водопой,
И сшиблись тут же грудь о грудь, рогами о рога,
И каждый тяжестью своей пытался смять врага,
И кровью раненых быков был замутнен родник,
Всех в этой схватке поборол один могучий бык,
Он, точно лук, вздымал рога, победой кончив бой.
На Азиз-бека он похож, убитого тобой.
В ущелье ближнем скрылся он. Томит меня тоска,
И мнится: смотрит мертвый бек из черных глаз быка».
Приникла к милому она, закончив свой рассказ,
Вскочил он, быструю стрелу метнув из гневных глаз.
«Я бека черного убью, убью того быка!»
«Не уходи!» —

«Сейчас вернусь. Нарви цветов пока».

В ущелье роковое он бежит, схватив копье,
У родника оставив лань, сокровище свое.
И вдруг он слышит хищный свист — стрела летит вдогон.
И вверх глядит, но никого в горах не видит он.
Он мыслит:

«Кто бы ни стрелял, пусть это даже бог,
Дорогу к счастью преградить и он бы мне не мог».
Но то не грозный бог хотел его сразить стрелой,
То Азиз-бека младший брат, засевший за скалой,
Коня оставил наверху и под гору — ползком...
Невесту брата он мечтал ввести в свой черный дом.

* * *

Чабан в пещеру заглянул — и видит: перед ним
Стоит косматый черный бык, угрюм и недвижим,
Стоит, в глаза ему глядит, огромный, как скала.
«Но что же в нем Хаджезарэ недоброго нашла?
Ужели проклята судьбой любовь моя навек,
Когда из диких глаз быка глядит убитый бек.
Иль бека черная душа теперь и вправду в нем?»

И, словно молнией, быка ударил он копьем.
Проклятьем зашипела кровь, и дрогнул, и поник
Под богатырскою рукой могучий дикий бык.
И выхватил Сиаманто чеканный свой кинжал,
Он сердце из груди быка для милой взять желал,
Но тут — иль острый бычий рог, иль новая стрела
Сиаманто свалила с ног и в пропасть увлекла.
На высохший корявый бук упал он с крутизны,
И в грудь мечом вонзился сук и вышел со спины.

5

А на горе Хаджезарэ любимого ждала.
Тревога в сердце ей вошла, как острая игла.
«Где ты, любимый? Возвратись к своей Хаджезарэ!»
А ветер воет:

«Ты одна на ледяной горе!»
«Где ты, мой молодой орел?
Ты куда от меня ушел?
Почему обманул меня,
Без подруги спустился в дол?»

Ждал меня ты семь долгих лет,
А теперь мне защиты нет.
Только ночь ты провел со мной
И покинул меня чуть свет».

И, трепеща, Хаджезарэ бежит с горы крутой.
Смотри: лежит сраженный бык. Но где охотник твой?
А под ногами у тебя, бездонна и дика,
Чернеет пропасть, точно глаз убитого быка.
И страшно вскрикнула она, едва взглянула вниз:
Там раненый Сиаманто на дереве повис.
«Ответь, кто погубил тебя? Я задохнусь от слез!»
«Моя судьба, твоя судьба...» —

из бездны донеслось.

«Как мне печаль мою стерпеть? Как буду жить одна?»
И в косах смоляных ее сверкнула седина.
«Ужели это черный бык тебя рогами сбил?
Ведь ты копьем его пронзил! Ведь ты его убил!»
«Хаджезарэ, молчи о том, что я погиб в горах.
Пусть враг при имени моем испытывает страх.
Скажи — за ланями в леса ушел Сиаманто».

«О нет, одна я — лань твоя, я, более никто. —
Она вопит над пропастью и мечется вокруг. —
Хочу, чтоб и моей судьбы не знал ни враг, ни друг».
И горе жгло ее огнем, ее бросало в дрожь.
«О милая, в мой смертный час мне сердце не тревожь,
Не плачь!»

«Но как не плакать мне, когда изранен ты...
Пусть слезы не щадят моей ненужной красоты.
О, не стнай, Сиаманто! О милый мой, ужель
Умолкнет навсегда твоя певучая свирель
И наша светлая любовь исчезнет навсегда!
Я плачу, как твоя свирель. Коса моя седа.
Я опущу ее к тебе, а ты схватись рукой».
И косу отсекла ножом и, привязав к другой,
Вниз опустила... Но достать до бука не могла...
И горько плакала опять и волосы рвала.
«Оставь меня, Хаджезарэ, и уходи домой».
«О нет, в объятьях у тебя приют последний мой!
Мне крылья недруг перебил. Нет у меня гнезда.
Доныне снег на вешний луг не падал никогда.
Не засыпай один. Лечу в объятия любви».
«Оставь меня, Хаджезарэ, любимая, живи!»
Песнь погребальную она, как лебедь, завела,
И трепетала эта песнь, как белые крыла:
«В давно минувшие года от горьких слез армян
Под гордою Сипан-горой образовался Ван...
Пускай и ныне млад и стар оплачут твой удел —
Погиб смельчак Сиаманто. Сипан осиротел!
Поддай же голос мне в ответ на этот скорбный зов!»
Но отозвался только плач печальных родников.
Клубился снег, и ветер выл, и на Сипан ползла
Из-под нахмуренной скалы крутящаяся мгла.

«Громче, ветры, стнайте,
Косы мои оборвите,
Нет того, кто их сплетал-расплетал!
Вороны, налетайте,
Когти в глаза мне вонзите!
Мой супруг-жених спит среди черных скал».

Вдруг черный всадник встал пред ней, и бросил наземь лук,

И закричал:

...«Хаджезарэ, перед тобой супруг!»

И крутит ус:

«Пряди ко мне! И плакать перестань!»
И смотрит на нее, как волк на загнанную лань.
«К лицу ль простому чабану жениться на тебе?
Своею меткою стрелой я подсобил судьбе.
Мой старший брат его рукой повержен был, а я
Зато возьму тебя с собой, о радость бытия!»
Но понапрасну тратит бек коварные слова.
Его не слушает она, от горя чуть жива,
И к бездне тянется, как лань, что к матери спешит.
«Приди на помощь, милый! Встань! Ты — мой надежный щит.
Взгляни, кто был твоей судьбой. Вот этот черный бык.
Опять пронзи его копьем, коварен он и дик!

Горе, горе мне! Кто видал,
Чтоб заколотый буйвол встал
И два сердца слитых в одно
Врозь рогами он разметал».

Склонясь над черной пропастью, она кричит в бреду:
«Мне место рядом приготовь! Мой милый, я иду!»
С открытыми глазами вниз бросается она
И разбивается внизу о скалы, как волна.
И в пропасти Сиаманто вздохнул в последний раз,
Увидев гаснущий огонь ее крылатых глаз.
И ветер воющий унес в далекие края
Предсмертный возглас, полный слез:
«Хаджезарэ моя!»

Навеки замолчал Сипан. И распростерла мгла
Над Ванским озером свои свинцовые крыла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Но в том ущелье роковом, едва весна придет,
Два мака скорбные цветут, как говорит народ.
Дотоле не было таких цветов среди лугов —
С сердечком траурным в венце кровавых лепестков.
Хаджезарэ — Сиаманто погибли в цвете лет,
Но в облике другом они явились вновь на свет.
Как яркий свадебный наряд, горят их лепестки,
А темные сердца таят следы былой тоски.
Должно быть, их недолгий век — печальной доли знак:
Едва дотронешься рукой, и облетает мак...

И тянется к цветку цветок. И, прежде чем опасть,
Спешит поведать, трепеща, свою любовь и страсть.